

МИРОНОВ Арсений Станиславович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры народной художественной культуры
Московского государственного института культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация

Arseny S. MIRONOV

Cand. Sci. (Journalism), Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Oblast, Russian Federation,
arsenymir@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4344-6489

УДК 82-131=161.1:17.022.1
ГРНТИ 13.09.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.005

Некоторые результаты аксиологического анализа русского героического эпоса

Certain Results of an Axiological Analysis of the Russian Heroic Epic

Целью статьи является формирование представления о ценностном наполнении русского героического эпоса, основанном на результатах последствий поступков героев. Методология опирается на аксиологический анализ, механизм которого включает исследование мотивирующих героя ценностей, совершенного им поступка и последствий этого поступка. Различимые в былинах ценностные категории (слава, честь и др.) предполагают два сюжетно маркированных инварианта. На основании последствий (положительных или отрицательных) поступка героя, мотивированного, в свою очередь, той или иной вариативной ценностью, она либо утверждается, либо, наоборот, подвергается девальвации. Подобная закономерность позволяет осуществить классификацию былинных сюжетов и вынести общую содержательную оценку национальному эпосу. Учитывая, что девальвируемыми ценностями оказываются ценности «ветхого человека», совершенно оправданно говорить о том, что русская героическая поэзия является глубоко христианской по своему духу.

Ключевые слова: былины, аксиологический анализ, предельные ценности, инструментальные ценности, мотивация, поступок, аксиомотив, христианская картина мира.

Аксиологический анализ плодотворно применяется в работах В. С. Непомнящего [23], В. А. Воропаева [7], С. А. Гончарова [8], М. М. Дунаева [12], И. А. Есаулова [14] [16] и других ученых при исследовании отечественной

словесности, а также при описании картины мира, отразившейся в произведениях древнерусской литературы (А. Н. Ужанков) [31]. Опыт аксиологического анализа пушкинского творчества, предпринятый, в частности,

В. С. Непомнящим [22], свидетельствует о возможности выявить ценностную картину мира, характерную для конкретного автора, причем в динамике. По свидетельству ученого, ценностный подход представляет собой вполне надежную «методологию исследования духовного мира художника (да и личности вообще)» [22, с. 26]. По мнению И. А. Есаулова, аксиологический анализ есть условие правомерного изучения русской классической литературы как таковой, именно ценности должны стать категориями нового исследовательского метода в филологии [15].

Однако в отношении героического эпоса и вообще фольклора необходимо сделать важную оговорку. Ценностный анализ художественного мира, созданного автором, исходит из понимания того, что его сознание является пусть и становящимся, но все же цельным и внутренне непротиворечивым, конкретное произведение отражает целостное мировоззрение его создателя в конкретный момент творческой биографии. Таким образом, то, как меняется «ценностный центр» автора (М. М. Бахтин [4, с. 56]), возможно проследить от произведения к произведению. В отношении же фольклора (и, как следствие, героического эпоса) сказанное не очевидно; существование цельного непротиворечивого смысла конкретной былины может быть оспорено со ссылкой на особенности генезиса и бытования эпоса, на его вариативность и другие особенности.

Вопрос о ценностной сущности русского эпоса представляется в высшей степени дискуссионным. Многие ученые сомневались и сомневаются в существовании единой и взаимосвязанной системы ценностей в случае русской героической поэзии. Во-первых, распространено мнение, что образы былинных героев отражают разновременные «слои» противоречивых и даже противоположных ценностей и норм. Былина описывается в виде своеобразного конгломерата разновременных (языческих и христианских, аристократических и народных, автохтонных и заимствованных) смыслов, напластованных друг на друга за периоды бытования эпоса в разных социальных средах. Так, Ф. И. Буслаев находил в былинах «сеть противоречий, несообразностей

и анахронизмов... облеченных в поэтические образы» [5, с. 127]. Противоречивые мотивации богатырей в былинах ученые объясняли не динамикой внутреннего мира героев и переоценкой ими тех или иных аксиологических категорий, но хаотичным наслоением «нравственных черт различных эпох» [26, с. 24]. В. Ф. Миллеру принадлежит знаменитое сравнение русского эпоса с «грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением... с пристройками и надстройками от разных времен» [20, с. VI]. Эта метафора указывает на отсутствие некоего общего замысла, единых конструктивных и художественных норм. Такой подход унаследовало советское эпосоведение; например, М. М. Плисецкий полагал, что в былинах отражено «изменение психологии народных масс... на протяжении веков» [25, с. 8], однако советские ученые порой затруднялись определить, что является семантической основой той или иной конкретной былины — «идея, доминировавшая при ее сложении», или же «рудименты» более древних смыслов [1, с. 42]. Так, В. П. Аникин исследовал «противоречия внутри идейно-художественного состава» былин, объясняя их наслоением разновременных «идеалов», и полагал, что «нарушения цельности» аксиологических ориентаций «открывают путь к историческому приурочению всей былины» [3, с. 317].

Во-вторых, изучая различные варианты одного и того же былинного сюжета, исследователи нередко приходили к выводу о том, что разные певцы «заставляют» своих героев в одних и тех же обстоятельствах предпочитать различные ценности. Ученые пытались объяснить это спецификой конкретной коммуникативной ситуации или же различиями в мировоззрении сказителей, особенностями местной традиции, влиянием на творчество конкретного певца сказки, духовного стиха и др. Так, А. П. Скафтымов полагал, что герой приобретает те черты, которые «дороги самому рассказчику и вообще являются для него желанными»: певец «религиозный» и певец «разгульный» ориентируют своих героев на различные ценности [28, с. 93].

Ученые также обращали внимание на то, что не только разные певцы поют одну былинку по-разному, но даже один и тот же певец в раз-

ных ситуациях выпевает особый вариант песни. Например, по мысли известного слависта А. Лорда, эпическая «тема» — не статичная данность, но живое, изменчивое художественное начало, «адаптируемое» сказителем к условиям конкретного исполнения [37, с. 94].

Сохраняется ли при выпевании множества вариантов песни ее глубинный ценностный «код»? Для ответа на этот вопрос необходимы результаты аксиологического анализа, который покажет, насколько часто у разных сказителей мотивировки героя одной и той же песни будут связаны с различными (или даже полярными) ценностями. Если такие случаи окажутся доминирующими, можно будет сделать вывод не только о формальной изменчивости эпической «темы» в устах разных сказителей, но также об отсутствии универсальной аксиологической модели национального эпоса, то есть, по сути, опровергнуть распространенный в научной литературе тезис о существовании «единого» эпического мировоззрения народа, отраженного в его фольклоре [2, с. 4] [34, с. 1–2] [32, с. 105].

Ниже представлены некоторые результаты аксиологического анализа русских былин; из поля нашего внимания были исключены записи неполные (в ценностном смысле), то есть не содержащие всех этапов, связанных с аксиологически значимым поступком героя: ценностного выбора, самого действия и оценки последствий этого действия.

Необходимо подчеркнуть, что объектом настоящего анализа является былинная поэзия в том виде, в котором она дана нам в известных науке записях XVIII–XX вв., начиная со сборника Кирши Данилова. Следовательно, любые ценности, выявленные в былинах, мы будем принимать как ценности русского эпического сознания этого исторического периода. Теоретически допустимая реконструкция архаичных ценностей, предположительно отразившихся в русской героической поэзии, не является задачей настоящего исследования.

Для того чтобы избежать методологической «модернизации», мы предприняли следующее. Во-первых, на начальном этапе нашего анализа мы воздерживаемся от использования современных слов, обозначающих те или

иные ценности (чтобы не «навязывать» былинной фактуре концепты, «предустановленные» взглядом человека XXI века), несмотря на очевидное неудобство использования в тексте научной статьи ряда слов и словосочетаний, взятых непосредственно из былинных записей. Мы также отказываемся от возможности составить произвольный список ценностей и затем исследовать то, как эти ценности мотивируют былинных героев, ведь при таком подходе уникальные аксиологические концепты русского эпического сознания с неизбежностью окажутся неразличимыми. В качестве примера приведем понятие «честь», которое для современного сознания устойчиво связано с представлением о некоем «внутреннем нравственном достоинстве человека» [35], а также с концептом воинской чести. Последний близок по содержанию к античному и германскому эпическому концепту «долга чести» как обязанности воина «отработать» дары, полученные им от властителя. Ниже мы покажем, что понятие «честь-хвалы богатырской», обнаруживаемое в былинах, в ряде случаев не совпадает по содержанию с указанными выше понятиями.

Во-вторых, принципиально важно учитывать последствия ценностного выбора, сделанного протагонистом, и предлагать определение аксиологической категории, которую предпочел герой, именно через указание на результат его поступка. Таким образом, мы получим не только список былинных «терминов» для обозначения ценностей, но и достоверные определения аксиологических категорий, как бы данные «изнутри» самой былины.

Приступая к выявлению оригинальных былинных понятий (и их наименований), которые способны мотивировать героя, необходимо отдавать себе отчет в том, что в языке русских былин немного слов, обозначающих аксиологические категории. Былинные певцы в большинстве случаев поют о поступках, основанных на ценностном выборе, не указывая при этом на сами ценности; никогда (за редчайшими исключениями) не говорится прямо о проявлении героем тех или иных чувств или качеств. Русскому эпическому сознанию чуждо морализующее восхваление своих персонажей; вместо восхваления героя былинный

певец сообщает о благих последствиях его действия.

Кроме того, в былинах нередко поется о «дефиците» некой ценности или ее недооценке, проявляющейся через поступки героя. В этом случае та или иная аксиологическая категория дана слушателю через отрицание: «безумной» [29, с. 251], «немиловитой(-ый)» [17, с. 205], «безчестье великое» [24, с. 438], «нечестлив(-ва)» [10, с. 482] и др. Например, если богатырь проявляет ум, это, как правило, остается «незамеченным» певцом (то есть не вызывает прямого указания на ценность ума с его стороны), тогда как весьма часто сказители отмечают глупость богатырей (встречаются такие формулы, как «молодешенёк умок, зеленешонёк» [33, с. 138], «полуразум» [9, с. 161], «не мудрая дружинишка» [6, с. 9] и др.); следовательно, чтобы получить представление о былинном концепте ума, необходимо изучить все те случаи, когда герои поступают глупо.

Недостаток различных ценностей переживается богатырем как «беда» и «досада» [18, с. 615], «обида» [19, с. 195–196], «завид» [13, с. 618]; предстоит установить, какие именно действия антагонистов или других персонажей богатырю «не кажутся» [11, с. 32], «не в любовь приходят» [36, с. 239], «не по уму приходятся» [27, с. 137], бывают «не по разуму» [30, с. 114] и т.п. В каждом конкретном случае необходимо выявить (из контекста, с учетом последствий героического поступка), о дефиците какой именно ценности идет речь.

Перечень мотивирующих героя ценностей мы полагаем целесообразным начать с наиболее часто встречающихся в былинах предельных ценностей «славы» и «чести» (с выделением конкретных слагаемых последней — от «золотой казны», «жены», «славного отечества» до «закона Божия» и «веры крещеной»); далее следуют инструментальные ценности, позволяющие достичь славы и чести — «сила», «смелость» («ярость»), «талан-участь» («удача»), «молитва доходна», «ум» («догадка», «сметка»), «неупадчивость». Наконец, необходимо включить в наш перечень различные проявления «сердца богатырского» («обида», «завид», «досада» и др.), которые мы также относим к инструментальным ценностям (по Аристотелю, «энергиям», *ἐνεργεῖαι*)

на том основании, что способность проявлять эти чувства обеспечивает богатырям прилив силы, смелости и других качеств, необходимых для достижения целей, связанных с предельными ценностями.

Очевидно, что основой эпического сюжета является поступок. Любой же осмысленный поступок героя связан, как правило, с актом предпочтения им той или иной цели, которая указывает на мотивирующую ценность и таким образом придает поступку смысл. Первый этап аксиологического анализа былин, предполагающий выявление ценностей, мотивирующих поступки эпических протагонистов (а также их противников и персонажей второго плана), позволил установить следующие закономерности.

В языке былин (в том числе в записях, сделанных от одного и того же сказителя) наименования ценностей (за исключением ряда недевальвируемых инструментальных ценностей [«энергий»]), используются для обозначения весьма различных по содержанию аксиологических концептов, предполагающих альтернативные варианты поступка и вызывающих взаимоисключающие варианты последствий для действующего лица.

Так, «славой», «славушкой великой» называется как личная слава героя, связанная с его именем (молва), так и общая (соборная) слава всего киевского богатырства, которая распространяется по миру и удерживает иноземных царей от попыток вторжения на Русь. Эти концепты не просто различны по своему содержанию, но прямо противоположны. Распространению соборной славы о богатырях способствуют лишь бескорыстные подвиги, предпринятые ради страдающего человека, то есть во славу Божию. Попытка же героя отнести подвиг на свой «личный счет» исключает распространение молвы о подвигах русского богатырства как такового, поскольку не внушает иноземным царям страх перед всеми киевскими витязями, понимаемыми в качестве некой «корпорации»: отдельного героя, обладающего личной славой, возможно привлечь на свою сторону (как это пытается сделать Калин-царь в отношении Ильи Муромца), нанять на службу (как это происходит с Дунаем и Василием Пьяницей), отвлечь

от служения интересам Киева (см. былинку о Потыке).

Словами «честь», «почести», «честь», «честь» певцы называют как личную честь героя (наследуемую, в том числе родовую, и добываемую), так и ценность, характеризующую некий «внешний» объект, который герою необходимо «держат в чести». Концепты вновь противоположны по своему содержанию: прибавление личной чести предполагает изъятие ценного имущества у другого, тогда как защита «честных» объектов осуществляется бескорыстно и допускает возможность добровольного «обмена» жизни героя на ценность защищаемой святыни.

Инструментальной ценностью, позволяющей достичь славы или чести, является богатырский дар («талан-участь») — у большинства героев это физическая сила, но также ценятся «ум-смётка», «ум-догадка», «молитва доходная», «неупадчивость», умение играть на гуслях, «краса-баса» и др. При этом одни и те же слова — «талан», «удача», «сила» — обозначают в былинах противоположные по содержанию концепты: богатырский дар ценится либо как возможность (и личное право) получить «в обмен» на него разнообразные блага (добычу, «почести», личную славу), либо как «бремя» бескорыстного служения — святыне («честным» объектам) или страдающему человеку.

Для того чтобы «мобилизовать» богатырский дар и применить свою силу в полной мере (превышающей меру обычного человека), герою необходимо, чтобы его сердце «разгорелось». Таким образом, если богатырский талант является инструментальной ценностью («энергией») первого и наивысшего уровня, позволяющей достичь предельной, конечной ценности (славы или чести), то «богатырское сердце» есть «энергия» второго уровня, ориентированная на обладание инструментальной ценностью более высокого ранга — речь идет о силе или другом «талане».

Одно и то же словосочетание — «сердце богатырское» — в былинах обозначает принципиально различные по содержанию аксиологические концепты, образующие две пары взаимоисключающих в логическом плане понятий. Первую пару составляют, с одной сто-

роны, свойство богатырского сердца «разгораться» желанием личной славы, преступать запреты и мстить за бесславие, а с другой стороны — способность воспламениться сострадательной любовью к другому человеку. Вторую пару конкурирующих концептов образуют, во-первых, героический гнев, вызванный личным бесчестьем (то есть лишением ценного имущества и материально-знаковых благ), или же страстное желание увеличить личный «рейтинг» чести за счет ценной добычи, а во-вторых, героическая «ярость», вызванная попранием чести защищаемых объектов (святынь, Божьих установлений на земле), ценность которых для героя превышает цену его собственной жизни.

Таким образом, в результате аксиологического анализа русских былин установлено, что ценности, мотивирующие поступки их действующих лиц, не могут быть описаны как конгломерат разрозненных аксиологических концептов — концептов, отразивших исторические этапы живого бытования эпоса в различных социальных средах, — но как устойчивое взаимосвязанное единство, образованное двумя конкурирующими мировоззренческими моделями. Эти модели отличаются идентичной иерархической организацией; при сравнении ценностей, занимающих в них аналогичные иерархические позиции, становится очевидно, что для обозначения подобных парных ценностей былины используют одни и те же слова: «слава», «честь», «талан-участь», «сила», «сердце богатырское», «ярость» и др.

Одноименные парные ценностные категории в содержательном плане исключают друг друга и конкурируют в ценностном центре былинного героя. Совершая некий поступок, протагонисты, второстепенные персонажи, антагонисты русского героического эпоса выбирают одну из двух конкурирующих парных ценностей. В рамках каждой пары один из двух альтернативных концептов, будучи предпочтен героем и становясь тем самым аксиологической доминантой его ценностного центра, как правило, приводит к дурным для действующего лица последствиям, тогда как противоположная по содержанию ценность неизменно, за редчайшими исключениями, — к последствиям благоприятным.

Так, в рамках пары «слава личная — слава соборная» наблюдается следующая закономерность: поступки, ориентированные на личную славу, приводят к дурным последствиям; поступки же, ориентированные на соборную славу, — к благим. Соответственно, ценность личной славы в сознании слушателя неизменно девальвируется, а ценность соборной славы — укрепляется.

Для пары конкурирующих концептов «честь личная — честь другого» выявлен следующий закон: поступки, ориентированные на личную честь героя, приводят к дурным для него последствиям; действия же, направленные на воздаяние чести другому, с необходимостью имеют своим результатом благие для персонажа обстоятельства и события. Как можно видеть, девальвируемой ценностью является личная честь, а укрепляемой — честь другого (человека, объекта или установления).

Также является девальвируемой ценность богатырского дара как личного права на добычу и славу: соответствующие действия акторов приводят к неблагоприятным для них последствиям. Напротив, конкурирующий концепт богатырского таланта как бремени бескорыстного служения относится к числу укрепляемых: поступки, вызванные таким пониманием природы и назначения богатырского дара, неизменно приводят к благим для актора последствиям.

«Разгарчивость» богатырского сердца желанием личной славы толкает героев былин на поступки, которые влекут за собой дурные события; следовательно, эта ценность относится к числу девальвируемых. Альтернативный концепт богатырского сердца как источника сострадательной любви, позволяющей совершать подвиги во славу Божию, следовательно укрепляется в былинах; соответствующие поступки акторов обеспечивают благие для них последствия.

Для следующей пары альтернативных концептов — героический гнев как жажда личной чести и героический гнев как ревнование о «честных» объектах — выявлена такая закономерность: гнев о личном бесчестии и жажда добычи мотивируют те поступки эпических персонажей, которые ведут к дурным для них событиям; напротив, гнев, вызван-

ный поруганием святынь и прочих объектов, обладающих «честью», позволяет героям совершать поступки с предсказуемыми благими последствиями.

Таким образом, девальвируемые ценности образуют трехуровневую иерархическую систему, в которой на вершине иерархии находятся: 1) предельная ценность личной славы и 2) предельная ценность личной чести («стоимость» обеих ценностей превышает цену жизни эпического героя).

Инструментальной ценностью высшего уровня, позволяющей герою достигать предельных ценностей и при этом сохранять свою жизнь, является богатырский дар, понимаемый как исключительно ценный «персональный актив», а именно — как потенция, как возможность «обмена» этого актива на личную славу или личную честь.

Инструментальной ценностью низшего уровня, позволяющей реализовать потенцию чудесного богатырского дара, является «сердце богатырское», понимаемое как способность переживать героический гнев (от бесславия, бесчестия) и героическую «похоть» личной славы и личной чести.

Укрепляемые ценности русского героического эпоса образуют аналогичную по структуре трехуровневую иерархическую систему, в которой на вершине иерархии находятся: 1) предельная ценность эпической соборной славы, понимаемой как молва о подвигах, совершаемых русскими богатырями бескорыстно во славу Божию, и 2) предельная ценность «честных» объектов (святынь, Божьих установлений на земле и др.). Как мы уже отмечали выше, эти обе ценности более важны, чем сама жизнь эпического героя.

В контексте укрепляемых аксиологических категорий русского эпоса инструментальной ценностью высшего уровня, позволяющей герою достигать предельных ценностей и при этом сохранять свою жизнь, является богатырский дар, понимаемый как потенция, миссия и судьба, как своего рода избранность к бескорыстному служению в интересах «внешних» объектов — страдающего человека и святынь.

Инструментальной ценностью низшего уровня, позволяющей реализовать потенцию

богатырского дара, является «сердце богатырское», понимаемое как способность переживать героический гнев от осознания ущербности, наносимого «честным» объектам, и как подвижническое желание приумножить соборную славу русского богатырства.

Присутствие в каждой паре конкурирующих аксиологических концептов девальвируемой и укрепляемой ценности указывает на то, что восприятие былин аутентичной аудиторией с высокой вероятностью предполагало деконструкцию картины мира, основанной на ценностях героического гнева, желания личной чести и личной славы. Как логично предположить, одновременно происходило утверждение картины мира, основанной на любви к страдающему человеку и ревновании о чести «внешних» по отношению к герою (и слушателю) реалий: христианских святынь и Божьих установлений на земле, обладающих свойством «правды-истины».

Особо отметим, что состояние ценностного центра былинных героев динамично, изменчиво: в момент ценностного выбора доминируют одни аксиологические категории, однако после наступления последствий этого выбора они девальвируются или укрепляются. Элементарной единицей аксиологической структуры русской былины является, с нашей точки зрения, аксиологический мотив (аксиомотив): содержательный или сюжетный элемент, в котором при помощи причинно-следственной связи духовно-психологического характера скреплены в неразделимое целое мотивация героя, его поступок и закономерные с точки зрения эпического сознания последствия этого поступка [21]. Логическая, этическая, эстетическая взаимосвязь мотивации, действия и последствий этого действия вполне осознается певцом как смысл аксиомотива и таким образом закрепляется в памяти. Его границы в сюжете определены, с одной стороны, первичным состоянием ценностного центра героя и, с другой стороны, его результирующим (как правило, измененным) состоянием.

Большинство былинных героев переживает несколько (более одного) аксиологических «возрастов»; для каждого возраста характерна конкретная аксиологическая доми-

нанта и связанные с нею инструментальные ценности. В зависимости от характера смены аксиологических возрастов героя мы предлагаем выделить следующие типы былинных сюжетов:

а) Тип сюжета I «Преступление и наказание» (юность Добрыни и бой Добрыни с Ильей, первый и второй бой Добрыни со Змеем; Илья и Святогор, Илья Муромец и Сокольник, Михайло Потык, Алеша Попович и сестра Сбродовичей, Василий Игнатьевич, Константин Саульевич, «Камское побоище», Садко). В исходном¹ аксиологическом возрасте героя доминируют ценности личной славы и личной чести; после наступления неблагоприятных последствий поступка происходит изменение ценностного центра героя (преображение), и во втором, более позднем аксиологическом возрасте доминируют соборная слава и соборная честь. В этом случае ценности, значимые для первого аксиологического возраста, девальвируются как в ценностном центре героя, так и в ценностном центре слушателя.

б) Тип сюжета II «Преступление и казнь» (Василий Буслаев, Дунай Иванович, вариант былины про Святогора [протагонист погибает, пытаясь поднять «тягу земную»], Иван Годинович, Чурила, Сухман). В первом аксиологическом возрасте доминируют ценности личной славы и личной чести; после наступления неблагоприятных последствий поступка, совершенного героем, его ценностный центр не изменяется, а сам герой погибает или перестает быть героем. В этом случае ценности, доминировавшие в первом аксиологическом возрасте протагониста, девальвируются в сознании слушателя.

г) Тип сюжета III «Упорство в правде» (Микула Селянинович, Добрыня Никитич [«Добрыня и Маринка», старина про посольство Василия Казимировича, сюжет про сватовство Алеши к Настасье], Илья Муромец [«Три поездки Ильи Муромца», «Илья в ссоре с князем Владимиром», «Илья Муромец и Ка-

¹ Исходный аксиологический возраст не совпадает с детством, юностью героя, так как является исходным для конкретного сюжета, в котором герой может быть в самом начале былины дан слушателям в любом возрасте, в том числе, в преклонном.

лин царь»], Дюк Степанович, Михайло Данилович, Михайло Казарин, Бермята/Перемяк [«Чурила и Катерина»], Касьян [«Сорок калик со каликою»]). В первом аксиологическом возрасте доминируют ценности соборной славы и общей чести, герой претерпевает испытания, но сохраняет верность первоначальному ценностному выбору и торжествует; во втором аксиологическом возрасте изначально данные ценностные доминанты укрепляются как в ценностном центре героя, так и в ценностном центре слушателя.

д) Тип сюжета IV со смешанной мотивацией героя (царь Соломан, Хотен Блудович, Василиса Микулична в сюжете про Ставра). В первом аксиологическом возрасте героя один и тот же его поступок может быть мотивирован как ценностью личной славы, личной чести, так и — одновременно — ценностью страдающего человека или некоего «честного» объекта. В отношении названных аксиомотивов прослеживается закономерность: ценность личной славы и личной чести, мотивируя героя, может приводить к благим для него последствиям только в том случае, если к этой мотивации присоединяется ориентация на ценность страдающего человека или некоей христианской святыни.

Единственное исключение представляет сюжет о Волхе Всеславовиче, который невозможно отнести ни к одному из указанных выше типов.

Итак, ценности личной чести и личной славы являются исходными и девальвируемыми, а ценности соборной славы и общей чести — утверждаемыми, представляя при этом новацию для ценностного центра большинства героев. Это подтверждается, во-первых, тем, что в былинах весьма часто (а именно во всех сюжетах, относящихся к типам «Преступление и наказание», «Преступление и казнь») укрепление «курса» предельных ценностей соборной славы, общей чести, а также связанных с ними инструментальных ценностей, происходит следующим образом: действующее лицо сначала предпочитает альтернативные ценности, а затем переживает дурные последствия подобного выбора. Аксиомотивов такого рода в былинах обнаружено 119 (57 аксиомотивов, утверждающих

ценность соборной славы и 62 аксиомотива — соборной чести). Повторим еще раз: утверждение ценности соборной славы и соборной чести реализуется в русском эпосе не напрямую, но через отрицание альтернативных ценностей. Очевидно, что эти последние присущи герою и слушателю прежде того, как в их ценностном центре укрепятся альтернативные аксиологические категории.

В отношении сюжетов IV типа необходимо заметить, что ценности личной славы и личной чести приводят к благим для героя последствиям только в том случае, если они «легализованы» в русском эпическом сознании — благодаря тому, что поступок героя возможно также объяснить ориентацией на ценности соборной славы и общей чести. Таким образом, герою и слушателю предлагается дополнительный критерий оценки уже привычных им ценностей (а именно, личной славы и личной чести).

Как можно видеть, картина мира, в которой доминируют личная слава и личная честь является исходной, первичной для большинства героев русского эпоса. Реализация аксиомотивов в былинных сюжетах всех четырех типов приводит к тому, что в сознании слушателей происходит содержательное замещение понятий славы, чести, «талана-участи», силы, «сердца богатырского», «великой досады» и др. с сохранением наименований самих понятий и их иерархии. Так, концепт личной славы замещается концептом славы соборной, представление о личной чести — представлением о чести другого, ценность героического гнева (вызванного личным бесславием, бесчестием или, напротив, жадной приращения личной славы и чести) девальвируется и замещается ценностью сердца, способного к сострадательной любви и бескорыстному ревнованию о чести христианских святынь.

Корректирующее воздействие эпического певца на ценностный центр слушателя приводит к результатам, общим для всего корпуса былинных записей, то есть носит закономерный характер, что выражается в следующем: имея представление о ценности, мотивирующей поступок, можно предсказать характер последствий этого поступка для героя (благоприятный или неблагоприятный). Представ-

ление о таких логических закономерностях, связывающих мотивацию действия с его последствиями, составляет суть эпического контекста — знания, которым располагают былинные певцы.

Ценности личной славы и личной чести в известных науке былинах девальвируются и никогда — кроме единственного сюжета о Волхе — не утверждаются, если действия героя не оправданы в глазах певца ценностью соборной славы и общей чести. Ценности соборной славы и общей чести во всех былинах укрепляются и никогда не подвергаются девальвации, независимо от среды бытования самих былин (крестьянской, каличьей, скомошьей, казачьей, монашеской и др.).

Единичный характер исключения из общих правил (сюжет о Волхе Всеславовиче) свидетельствует о том, что эпическое знание былинных сказителей — их представления о законах, связывающих мотивацию поступка с его последствиями, — не подверглось существенному изменению за все время бытования былин в рамках периода их научной фиксации. Более того, предпринятый анализ показывает, что в аксиологическом плане русский героический эпос не является конгломератом

противоречивых и дискретных разновременных смыслов, связанных с различными ценностями. Семантическое единство всего корпуса былин обеспечивается единством задачи, стоявшей перед певцами, которая заключалась в целенаправленной коррекции ценностного центра их аудитории. Таким образом, эпическое сознание русских представляет собой единую для подавляющего большинства сказителей картину мира, основанную на аксиологической доминанте страдающего человека и установленных Богом законов, предельной ценности соборной славы и «честных» объектов («стоимость» которых превышает цену человеческой жизни), а также инструментальной ценности Божьего дара как возможности бескорыстного служения.

Девальвируемая же в былинах картина мира в главных своих элементах соответствует осуждаемому в христианстве мировоззрению «ветхого человека», которое, согласно Отцам Церкви, свойственно не только язычникам, но может быть присуще человеку любого вероисповедания, в том числе принадлежащему к сообществу христиан, однако не исполняющему на деле заповеди Христа о любви к Богу и ближнему.

Arseny S. MIRONOV

Cand. Sci. (Journalism), Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Oblast, Russian Federation,
arsenymir@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4344-6489

Certain Results of an Axiological Analysis of the Russian Heroic Epic

Abstract. The research aims to form an idea of the value content of the Russian heroic folk epic based on the consequences of the actions folk heroes undertake. The research method is an axiological analysis, which examines the values motivating the hero, the deed he commits, and the consequences (positive or negative) of this deed. Russian folk epics – despite their variability and no well-established scholarly opinion on their content and conception – reveal characteristic integrity and coherence when given an axiological interpretation. The latter implies that the following elements should be analysed: the values that motivate the hero, his deed, and its consequences (positive or negative). In Russian bylinas, one can easily discern such value categories as fame (*slava*), honour (*chest'*), fortune-fate (*talán-uchast'*), strength (*sila*), knightly heart (*serdtse bogatyrskoe*), and anger (*gnev*). Each category implies two plot-accentuated invariants: positive and negative. For example, the word 'fame' (or the phrase 'great fame' (*slavushka velikaya*)) may indicate both personal fame (almost inevitably pernicious for the hero) and the so-called common fame of all Russian knights (*bogatyrs*), service to which enables the character to save his life and freedom. Analogically, the word 'honour' may imply

both personal material-symbolic 'honour' (i.e., valuable property, signs of public recognition, etc.) and 'honor' as related to some 'external' – from the hero's perspective – realities: sacred objects, religious institutions and principles. Based on the positive or negative consequences provoked by the hero's deed – the deed motivated by a certain variational value – this value is either strengthened or rejected. This regularity allows formulating an 'axiomotif' (a semantic or plot element, in which, via a cause-and-effect relationship of spiritual-psychological nature, the hero's motivation, his deed, and the natural – from the perspective of an epic consciousness – consequences of this very deed merge into an inseparable unity), classifying different bylina plots (the author suggests distinguishing four plot types), and generally describing the semantics of Russian folk epics. Given the fact that, in Russian bylinas, the rejected values are conditionally non-Christian (particularly, personal fame and personal honour – as compared with the categories of Kievan knights' common fame and the 'honour' of Orthodox sacred objects and principles, which are strengthened as bylina plots progress), it is only natural to assert that Russian epic poetry is profoundly Christian.

Keywords: bylinas, axiological analysis, ultimate values, instrumental values, motivation, deed, axiomotif, Christian worldview.

Использованная литература:

1. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982.
2. Алещенко Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008.
3. Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
5. Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб.: Имп. Акад. наук, 1887.
6. Вольга и Микула: [Былина] № 73 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. С. 5–11.
7. Воропаев В. А. Гоголь и монашество // Лепта. 1993. № 2. С. 123–143.
8. Гончаров С. А. Творчество Н. В. Гоголя и традиции учительской культуры. СПб.: Образование, 1992.
9. Данила Староильевич: [Былина] № 36 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 161–168.
10. Добрыня и Змей: [Былина] № 64 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. С. 475–488.
11. Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. С. 31–63.
12. Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. 1. М.: Христиан. лит., 1996.
13. Дюк Степанович и Чурила Пленкович: [Былина] № 145 // Былины: в 25 т. Т. 1. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. С. 616–620.

References:

1. Azbelev, S.N. (1982) *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of Bylinas and Specificity of Folklore]. Leningrad: Nauka.
2. Aleshchenko, E.I. (2008) *Etnoyazykovaya kartina mira v tekstakh russkogo fol'klora* [Ethnolinguistic Picture of the World in the Texts of Russian Folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
3. Anikin, V.P. (1980) *Teoriya fol'klornoy traditsii i ee znachenie dlya istoricheskogo issledovaniya bylin* [The Theory of Folklore Tradition and Its Significance for the Historical Study of Bylinas]. Moscow: Moscow State University.
4. Bakhtin, M.M. (2002) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 6–300.
5. Buslaev, F.I. (1887) *Narodnaya poeziya. Istoricheskie ocherki* [Folk Poetry. Historical Essays]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
6. Gil'ferding, A.F. (1896) *Vol'ga i Mikula: [Bylina] № 73* [Volga and Mikula: [Bylina] No. 73]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 5–11.
7. Voropaev, V.A. (1993) *Gogol' i monashestvo* [Gogol and Monasticism]. *Lepta*. 2. pp. 123–143.
8. Goncharov, S.A. (1992) *Tvorchestvo N.V. Gogolya i traditsii uchitel'skoy kul'tury* [N.V. Gogol's Works and the Traditions of Teacher Culture]. St. Petersburg: Obrazovanie.
9. [Onchukov, N.E.] (1904) *Danila Staroil'evich: [Bylina] № 36* [Danila Staroilevich: [Bylina] No. 36]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 161–168.
10. Gil'ferding, A.F. (1894) *Dobrynya i Zmey: [Bylina] № 64* [Dobrynya and the Serpent: [Bylina] No. 64]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871:

14. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.
15. Есаулов И. А. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы. Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 3–14.
16. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: КРУГЪ, 2004.
17. Иван Грозный: [Былина] № 49 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 204–209.
18. Илья Муромец и Соловей разбойник: [Былина] № 171 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. С. 612–621.
19. Император Петр: [Былина] № 95 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. С. 195–197.
20. Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М.: А. А. Левенсон, 1892.
21. Миронов А. С. Изменение ценностного центра героя как смысл былинного мотива // *Litera*. 2020. № 1. С. 75–93.
22. Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001.
23. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Советский писатель, 1987.
24. О двух братьях, двух Витниках, и князе Романе Дмитриевиче: [Былина] № 74 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861. С. 429–438.
25. Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М.: Высшая школа, 1962.
26. Поливанов Л. И. Русские народные былины. М.: Изд. Льва Поливанова (Типография Е. Г. Потапова), 1888.
27. Про Сокольника: [Былина] № 43 // Былины Печоры и Зимнего Берега (новые записи). М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 136–142.
28. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов: В. З. Яксанов, 1924.
29. Скопин: [Былина] № 60 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 251–254.
30. Ставер Гоудинович: [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 113–123.
31. Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XIII – первой трети XVIII века. Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009.
32. Федотовская О. А. Фольклорные традиции: ценностный и педагогический потенциал // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2 (55). С. 105–109.
33. Царь Саул Леванидович («Царь Саул Леванидович поехал за море синяя...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 134–141.
34. Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2015.
- In 3 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 475–488.
11. Gil'ferding, A.F. (1894) Dobrynya Nikitich: [Bylina] № 5 [Dobrynya Nikitich: [Bylina] No. 5]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Oneza Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 31–63.
12. Dunaev, M.M. (1996) *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. Part 1. Moscow: Khristian. lit.
13. Gorelov, A.A. (ed.) (2001) Dyuk Stepanovich i Churila Plenkovich: [Bylina] № 145 [Dyuk Stepanovich and Churila Plenkovich: [Bylina] No. 145]. In: *Byliny: v 25 t.* [Bylinas: In 25 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. pp. 616–620.
14. Esaulov, I.A. (1995) *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [Category of Conciliarity in Russian Literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
15. Esaulov, I.A. (2007) *Novye kategorii filologicheskogo analiza dlya ponimaniya sushchnosti russkoy literatury* [New Categories of Philological Analysis for Understanding the Essence of Russian Literature]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 21. pp. 3–14.
16. Esaulov, I.A. (2004) *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paschality of Russian Literature]. Moscow: KRUG'".
17. [Onchukov, N.E.] (1904) Ivan Groznyy: [Bylina] № 49 [Ivan the Terrible: [Bylina] No. 49]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 204–209.
18. Gil'ferding, A.F. (1896) Il'ya Muromets i Solovey razboynik: [Bylina] № 171 [Ilya Muromets and Nightingale the Robber [Bylina] No. 171]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Oneza Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 612–621.
19. Gil'ferding, A.F. (1896) Imperator Petr: [Bylina] № 95 [Emperor Peter: [Bylina] No. 95]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Oneza Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 195–197.
20. Miller, V.F. (1892) *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa* [Excursions Into the Russian Folk Epic]. Moscow: A. A. Levenson.
21. Mironov, A.S. (2020) Change in the Character's Value Focus as the Concept of Theme of an Epic Poem. *Litera*. 1. pp. 75–93. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-8698.2020.1.32154
22. Nepomnyashchiy, V.S. (2001) *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the Descendants of the Orthodox People Know. Pushkin. Russia. We]. Moscow: Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy Velikoy Knyagini Elizavety.
23. Nepomnyashchiy, V.S. (1987) *Poeziya i sud'ba: Nad stranitsami dukhovnoy biografii Pushkina* [Poetry and Fate: Over the Pages of Pushkin's Spiritual Biography]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
24. Rybnikov, P.N. (1861) O dvukh brat'yakh, dvukh Vitnikakh, i knyaze Romane Dmitrieviche: [Bylina] № 74 [On Two Brothers, Two Vitniks, and Prince Roman Dmitrievich: [Bylina] No. 74]. In: *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym* [Songs Collected by P. N. Rybnikov]. Part I. Moscow: Tip. A. Semena. pp. 429–438.

35. Честь [Электронный ресурс] // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/375190> (дата обращения: 16.07.21).
36. Чурила: [Былина] № 35 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Т. 1. СПб.: тип. Акад. наук, 1894. С. 236–241.
37. Lord A. B. *The Singer of Tales*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.
25. Plisetskiy, M.M. (1962) *Istorizm russkikh bylin* [Historicism of Russian Bylinas]. Moscow: Vysshaya shkola.
26. Polivanov, L.I. (1888) *Russkie narodnye byliny* [Russian Folk Bylinas]. Moscow: Izd. L'va Po-livanova (Tipografiya E. G. Potapova).
27. Astakhova, A.M. et al. (1961) Pro Sokol'nika: [Bylina] № 43 [On Falkoner: [Bylina] No. 43]. In: *Byliny Pechory i Zimnego Berega (novye zapisi)* [Bylinas of the Pechora and the Winter Coast (New Records)]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 136–142.
28. Skaftymov, A.P. (1924) *Poetika i genezis bylin: Ocherki* [Poetics and Genesis of Bylinas: Essays]. Moscow; Saratov: V.Z. Yaksanov.
29. [Onchukov, N.E.] (1904) Skopin: [Bylina] № 60 [Skopin: [Bylina] No. 60]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 251–254.
30. [Onchukov, N.E.] (1904) Staver Godinovich: [Bylina] № 23 [Staver Godinovich: [Bylina] No. 23]. In: *Pechorskie byliny* [Pechora Bylinas]. St. Petersburg: Tipo-litografiya N. Sokolova i V. Pastor. pp. 113–123.
31. Uzhankov, A.N. (2009) *O spetsifike razvitiya russkoy literatury XIII – pervoy treti XVIII veka. Stadii i formatsii* [On the Specificity of Russian Literature Development in the 13th – First Third of the 18th Centuries. Stages and Formations]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
32. Fedotovskaya, O.A. (2014) Fol'klornye traditsii: tsennostnyy i pedagogicheskiy potentsial [Folklore Traditions: Value and Pedagogical Potential]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (55). pp. 105–109.
33. Danilov, K. (1997) Tsar' Saul Levanidovich ("Tsar' Saul Levanidovich poekhal za more sineya...") [Tsar Saul Levanidovich ("Tsar Saul Levanidovich Went Over the Blue Sea...")]. In: *Drevnie Rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshoyu Danilovym* [Old Russian Poetry Collected by Kirsha Danilov]. Moscow: Nauka. pp. 134–141.
34. Chernousova, I.P. (2015) *Yazyk fol'klora kak otrazhenie etnicheskoy mental'nosti (na materialakh fol'klornoy kontseptosfery russkoy volshebnoy skazki i byliny)* [Language of Folklore as a Reflection of Ethnic Mentality (Based on the Material of the Folklore Concept Sphere of the Russian Fairy Tale and Epic)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yelets.
35. Dal', V.I. (2021) Chest' [Honour]. In: *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/375190> (Accessed: 16.07.21).
36. Gil'ferding, A.F. (1894) Churila: [Bylina] № 35 [Churila: [Bylina] No. 35]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Gilferding in the Summer of 1871: In 3 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Academy of Sciences. pp. 236–241.
37. Lord, A.B. (1960) *The Singer of Tales*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Миронов, А. С. Некоторые результаты аксиологического анализа русского героического эпоса / А. С. Миронов // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 64–75. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.005

Full bibliographic reference to the article:

Mironov, A.S. (2021) Certain Results of an Axiological Analysis of the Russian Heroic Epic. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 64–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.005